

Фінал твора трагічны. Аўтар і тут вылучае некалькі элементаў, што найбольш яскрава сведчаць пра поўную паразу штучнага інтэлекту ў яго імкненні кіраваць групай каланістаў. У прыватнасці:

1) Выхаваныя камп'ютарам дзеці і моладзь не здольны будаваць нармальныя адносіны паміж сабой.

2) Адсутнічае паразуменне паміж прадстаўнікамі розных пакаленняў.

3) Не могуць нармальна існаваць сем'і, утвораныя па ўказцы машыны, і ў каланістаў перастаюць нараджацца дзеці. Гэты матыў, дарэчы, адсылае нас да п'есы Карэла Чапека «Р.У.Р» – фактычна першага твора пра паўстанне не проста тварэння супраць творцы, а цэлай машыннай цывілізацыі супраць чалавецтва.

4) Людзі страчваюць імпэт, пазбаўляюцца матывацыі дзейнасці. І, што самае галоўнае, страчваюць яны і інстынкт самазахавання.

5) У рэшце рэшт людскі натоўп бяздумна і механічна знішчае будынак Вялікага Камп'ютара і сам штучны інтэлект, які кіруе калоніяй.

Гэтыя апошнія сцэны паўстання супраць Камп'ютара дэманструюць, што рэпрэсіўны штучны інтэлект не здолеў пабудаваць справядлівае грамадства. Ён імкнуўся механічна злучыць людзей, абапіраючыся на выключна рацыянальныя разлікі. У рэшце атрымаўся не соцыум, а натоўп. Гэты натоўп і знішчае Вялікі Камп'ютар.

Аповесць Васіля Гігевіча «Марсіянскае падарожжа» арганічна ўпісваецца і культурны кантэкст часу, калі было напісана. А сацыяльна-філасофскія, маральныя пытанні, узнятыя ў ёй, з'яўляюцца актуальнымі для сучаснага стану развіцця грамадства і тэхналогій.

Варта таксама адзначыць, што сама аповесць, дзякуючы сваёй выразнай структуры, падаецца вельмі кінематаграфічнай і, спадзяёмся, аднойчы стане літаратурнай асновай для навукова-фантастычнага фільма.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гігевіч, В. Марсіянскае падарожжа: раман, аповесці / В. Гігевіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 38 с.

2. Ковтун, Е. Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели / Е. Н. Ковтун // Проблемы исторической поэтики. – 2016. – № 4. С. 118–135.

3. Осава, Х. Влияние научной фантастики на представления о будущем искусственного интеллекта / Х. Осава, С. Хасе, Д. Миямото, Р. Сайджо, К. Фукучи, Е. Мияке // Технологос. – 2020. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nauchnoy-fantastiki-na-predstavleniya-o-buduschem-iskusstvennogo-intellekta>. – Дата доступа: 20.09.2021.

УДК 821.162.1(092)

РОССИЯ КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ВО «ВНЕХУДОЖЕСТВЕННОМ» ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА И Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1920-Х ГОДОВ

Л. М. Шумская

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Гродно, Республика Беларусь

akay2012@yandex.ru

В статье рассматривается влияние генетической памяти, нравственного возрождения, движения и перехода в царство «Третьего Завета», Любви и Свободы, открывающих внутренние источники развития духовной культуры, на жизнестойкость общества, его динамическую эволюцию в эпоху революционных перемен XX века во «внехудожественном» творчестве И. А. Бунина и Д. С. Мережковского.

Ключевые слова: революция; культура; духовность; личность в истории; судьба России.

**RUSSIA AS A VALUE-SEMANTIC DOMINANT
IN I. A. BUNIN'S AND D. S. MEREZHKOVSKY'S "EXTRA-ARTISTIC"
WORK OF THE 1920s**

L. M. Shumskaya

*Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus
akay2012@yandex.ru*

The article is devoted to the study of the influence of genetic memory, moral revival, movement and transition to the kingdom of the "Third Testament", Love and Freedom, which open the internal sources of the development of spiritual culture, on the viability of society, its dynamic evolution in the era of revolutionary changes in the twentieth century in the "extra – artistic" work of I. A. Bunin and D. S. Merezhkovsky.

Key words: revolution; culture; spirituality; person in history; the fate of Russia.

Во все времена, когда происходят глубокие и радикальные изменения во всех сферах культурной жизни, когда идут напряженные поиски и осмысление новых мировоззренческих ориентиров, особую роль обретает стремление личности найти себя в новых условиях бытия. В культуре первой трети XX века эта проблема становится особо важной, поскольку она связана с осознанием разрыва традиций, наследственных культурных связей между поколениями и осмыслением потери стабильности существования. Доминирование в сознании эпохи субъективного, личностного фактора, вызванного революцией, утратой родины и эмиграцией, приводит к решительным и осознанным попыткам определить степень свободы личности и ее зависимости от социальной среды, к стремлению сохранить эстетические идеалы и принципы, источником которых является Россия в дореволюционную эпоху.

Формирование философско-эстетического сознания начала XX века характеризуется глубокой трансформацией образного мышления, вызванной как социально-историческими причинами, так и внутренними потребностями художественного развития [4]. В художественном сознании эпохи начинает доминировать субъективное, личностное начало. Самыми популярными и распространенными становятся различные формы автодокументальной литературы. Особое место принадлежит «внехудожественному» творчеству.

Мироощущению эпохи оказываются одинаково близки попытки определить судьбу России в условиях противостояния личного и общественного начал, стремление понять степень свободы и зависимости личности от социальной среды, выявить вечные ценности человеческого бытия во взаимоотношении «человек – Бог», осознать их истинное предназначение.

В русской литературе этого времени наиболее своеобразное воплощение обозначенных проблем наблюдается во «внехудожественном» творчестве И. А. Бунина и Д. С. Мережковского. Решительное размежевание с политикой и культурной практикой Советской России проявилось в литературной критике и мемуарах, очерках и речах, интервью и открытых письмах, воззваниях и эссе. Но наиболее значимыми для Бунина и Мережковского становятся дневники и публицистика, поскольку именно они позволяют выразить как личное, так и общественное отношение к происходящим событиям.

Основой публицистики и дневников Бунина 1920-х годов становится традиция ностальгического воспевания культуры «старой» России, ее величия, силы, достоинства. «Наши дети <...> не будут в состоянии даже представить себе эту Россию <...>, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье», – пишет писатель [1, с. 15]. Чувство неутолимой тоски по культуре старой России звучит и в публицистике Мережковского: «Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России – бесконечная сила» [7, с. 271].

Осмысление судьбы родины писатели связывают с пониманием проблемы революции и культуры. Для Бунина революция – противоестественный бунт, таящий в себе огромный заряд самоуничтожения, несовместимый с феноменом культуры. Происходящее в Советской России он воспринимает как «русскую вакханалию» [2, с. 156]. Культура для писателя – результат эволюционного развития общества. На основе культуры «функционирует и развивается огромное количество программ человеческой деятельности, поведения и общения, представленных в виде различных кодовых систем и составляющих «тело культуры». Функционирование ценностей культуры объясняет механизм превращения человеческих потребностей, интересов и целей в представления о должном поведении. Культура – это процесс обогащения личности знаниями, ценностями, идеями, чувствами, всем тем, что способствует ее очеловечиванию и уверенности в своих способностях и силе, вере в прогресс и свободу. Деградация же культуры, отказ от гуманистических ценностей, по мнению писателя, приводят к пещерному голоду и массовому расстрелу людей, «отравляющему <...> целые поколения» [2, с. 142]. Неприятие революционных преобразований происходит из стремления сохранить «генетическую память», поскольку революция, в представлении писателя, – всегда попытка разрыва наследственных культурных связей, передающихся из поколения в поколение.

В художественном сознании Мережковского формируется своего рода миф о революции: происходящее в России предстает как вселенское противостояние Христа и Антихриста, «духа» и «плоти» [5, с. 4]. Писатель обосновывает концепцию, согласно которой только религиозная революция победит «большевистскую реакцию», объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», «утвердит истинную свободу» [7, с. 28]. Этим писатель настаивает на следовании высшим ценностям. Такая ориентация возвышает человека, обогащая его духовно, увеличивая индивидуальный потенциал действия, побуждает к творческому преобразованию среды в соответствии с гуманистически выверенными идеями, что особенно важно в новом революционном мире. Результатом такой революции, по утверждению писателя, станет грядущее преображение России и Запада. Мережковский считает, что страдающая Россия поставлена самой жизнью в такие условия, выходом из которых может быть лишь духовное преображение. Поэтому Россия ближе к грядущему воскресению, чем благополучные европейские народы. Большевизм же для писателя – «разрушение культуры, упразднение свободы и принципа личности» [7, с. 35]. К утверждению в России «воли небытия», «воли Антихриста» привело отрицание Личности Христа [7, с. 24].

Немаловажное место в выявлении перспектив общественного развития России в публицистике и дневниках писателей занимает еще одна проблема – проблема личности в истории. Бунин свою миссию в истории видит в духовном противостоянии «власти Антихриста»: «Миссия русской эмиграции заключается <...> в неприятии Ленинских градов, Ленинских заповедей. Это важно <...> для будущих праведных путей <...> России» [3, с. 5]. Мережковский, размышляя о роли личности в истории, приходит к иному выводу: «Нужно повернуться лицом к Европе и миру, чтобы понять бытие России не только национальное, но и всемирное» [7, с. 248]. Немного позже эта мысль зазвучит еще более отчетливо: «Мы сейчас отвечаем <...> за весь мир, нами оставленный» [7, с. 271].

Попытки постижения проблемы личности в истории определяют специфику образной системы произведений писателей. Для Бунина человек – носитель позитивного и негативного начал, красоты и безобразия. С одной стороны, неряшливость и грубая сила моряка («Ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей» [1, с. 22]), а с другой – скромность, деликатность, чувство собственного достоинства военного, ставшего символом «потерянной России». Мережковского также волнует вопрос о природе человеческой исключительности, ее положительных и отрицательных составляющих. Для него Ленин – великое ничтожество, считающее революцию освобождением народов, «убивающим свободу» [8, с. 2], а Иосиф Пилсудский – избранник божий, способный «спасти <...> мир от большевистской революционной чумы» [9, с. 2].

Осмысление представлений о судьбе России приводит писателей и к попыткам понимания мотива «переживания» времени. Бунин фиксирует переживание эпохи как поистине апокалиптический «конец времен», чужеродный прежней устойчивой культуре: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что нынче уже восемнадцатое» [1, с. 21]. Для автора это смерть без надежды на светлое воскресение: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным». Но <...> смерть была в этой весне, последнее целование...» [1, с. 72]. «Разрыв времен» для Бунина становится очевидным.

Прошлое призрачно далеко, а связь с ним утрачена. Истончается нить истории, мир культуры распался, вместо него – «бродячая кибитка» и кочевничество: «Время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [1, с. 149].

Мережковский воспринимает мотив «переживания» времени как эсхатологический миф, сводящий начало истории с ее концом. Но писатель интерпретирует этот миф как начало новой эпохи – духовного обновления, творческого преображения мира. «Революция духа», по его мнению, будет эсхатологической и ознаменует конец исторического течения жизни, поворот к «новому небу» и «новой земле». К такому выводу Мережковский приходит еще в дореволюционный период, когда политическую и социальную революцию рассматривает лишь как предвестие религиозной [6].

Постоянными составляющими художественного сознания Бунина и Мережковского, определяющими отношение к будущему России, являются мотивы «утраченного рая» и «ада». Для Бунина Россия – страна, способная оставаться верной своему высшему божественному предназначению. Такая позиция приводит его к закономерному стремлению утвердить значимость вековых традиций, питающих русскую духовность: «Я смотрел на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное, и только теперь как следует прочувствованное, понятое!» [1, с. 34]. Но в художественном сознании Бунина возникает и другой образ Родины – опустошенной, расстрелянной, преданной: «Я плакал на страстной неделе... среди темной Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, по темным старым церквям, скудно озаренным красными огоньками свечей и плакавшим под горькое пение» [1, с. 127]. Ответом на болезненное разрушение национальных ценностей, на протяжении столетий казавшихся незыблемыми, становится заявление писателя: «В этом их мире поголовного хама и зверя мне ничего не нужно» [1, с. 57]. Происходящее в России Бунин объясняет установлением власти большевиков, поражающих своей жестокостью, – пойманных с поличным воров тут же приговорили к смертной казни: «разбили голову безменом, пропороли вилами бок и... выбросили на проезжую часть» [1, с. 94]. Вину за сложившуюся на Родине ситуацию писатель возлагает и на русский народ. Свою позицию по этому вопросу Бунин объясняет «двойной» природой русского национального характера – европейской и азиатской: «В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря» [1, с. 12].

С мотивом «ада» соотносится образ Советской России и в публицистике Мережковского: «Давно все фабрики стали; лавки закрыты; прохожих мало; езды почти никакой» [5, с. 3]. Большевики в его восприятии – «сыны дьявола, лжецы: провозглашенные ими «мир, хлеб, свобода» на деле «война, голод, рабство» [5, с. 4]. Виновниками воцарившегося в России ада Мережковский считает русский народ, предавший «свою тысячелетнюю святыню – христианство», укорененные в духовной культуре религиозные ценности. Именно потребность русского народа в страдании, по мнению Мережковского, привела к зарождению большевизма. Если в каждом человеке два полюса, жертвенный и героический, то в русском только один – религиозная жертвенность. Вся русская мужественность была сосредоточена в царе, которому народ поклонялся как Богу. После революции интеллигенция поклонилась народу, как Богу. А народ-зверь страшнее царя-зверя. Русская революция, считает Мережковский, скинула самодержавие, но сила угнетения и тяжесть рабства не уменьшились. Более того, антихристианское начало, воцарившееся в России после революции, способствовало искажению принципа свободы и «абсолютной меры человеческой личности – Христа» [8].

Проблема осознания судьбы России связывается писателями и с мотивом Пути. Бунин видит форму государственного правления России либо «как военную диктатуру <...>, либо как монархию...» [2, с. 28]. Победу большевистской власти писатель считает смертью великой державы, преодолеть которую может лишь человеческая память. Он живет иллюзией «старой» России и надеется на человеческое благоразумие: «говорить, что к прошлому возврата нет, могут только люди, не знающие истории России» [2, с. 73].

Мережковский исторический путь Родины представляет в виде движения от первой России – царской, ко второй – большевистской, хамской, третьей – свободной, народной, религиозной» [7, с. 146]. Серьезные политические, социальные и религиозные изменения, по его мнению, переживает и весь мир. Религия, которая объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердит истинную «любовь и свободу с абсолютной личностью – Христом» [7, с. 132].

Таким образом, решение проблемы жизнестойкости общества, наращивания им цивилизационного ресурса и его динамической эволюции в эпоху революционных перемен XX века Бунин связывает с сохранением генетической памяти, открывающей внутренне

источники развития духовной культуры, а Мережковский – с нравственным возрождением, движением и переходом в царство «Третьего Завета», Любви и Свободы. Но для обоих писателей своеобразной семантической основой, определяющей судьбу Родины, служат ценности бережного отношения к «потерянной России», основой которой стала духовность, наделенная незыблемым авторитетом православия и высоким национальным достоинством. Развитие духовности связывается с воспитанием чувства долга, ответственности перед другим людьми и природой за свои действия, милосердия, любви к ближнему, сострадания, жалости, терпимости, искренности, воспитания не только чувства собственного достоинства, чести, но и стыда, вины, раскаяния.

Библиографические ссылки

1. Бунин, И. А. Окаянные дни. Дневники. Рассказы / И. А. Бунин; редкол.: Г. Кострова, О. Михайлов, В. Конопкин. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 335 с.
2. Бунин, И. А. Ночь отречения: стихи, рассказы, публицистика (1920–1923) / И. А. Бунин. – М.: Лаком Книга, 2001. – 448 с.
3. Бунин, И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 8. – 498 с.
4. Келдыш, В. А. Русская литература «Серебряного века» как сложная целостность / В. А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 13–69.
5. Мережковский, Д. С. Предчувствия / Д. С. Мережковский // Свобода. – 1920. – № 4. – С. 1–4.
6. Мережковский, Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М.: Сов. писатель, 1991. – 494 с.
7. Мережковский, Д. С. Царство Антихриста: статьи периода эмиграции; под ред. А. Н. Николюкина / Д. С. Мережковский. – СПб.: РХГИ, 2001. – 656 с.
8. Мережковский, Д. С. Тройная ложь / Д. С. Мережковский // Свобода. – 1920. – № 6. – С. 1–4.
9. Мережковский, Д. С. Иосиф Пилсудский / Д. С. Мережковский // Свобода. – 1920. – № 1. – С. 1–4.